

Научно-философский потенциал советского марксизма*

И. Д. Осипов, А. Е. Рыбас

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Осипов И. Д., Рыбас А. Е.* Научно-философский потенциал советского марксизма // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 348–360. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.122>

В статье рассматриваются трудности методологического и идеологического характера, возникающие при изучении истории советской философии. Проводится мысль о том, что и официальный марксизм, принятый в СССР в качестве академической философии и закрепленный на уровне советской идеологии, и различные течения немарксистской философии, существовавшие в Советском Союзе во второй половине XX в., одинаково ценны для понимания целостной философской культуры данного периода. Задача исследователя, поставившего перед собой цель адекватного и всестороннего изучения истории советской философии, заключается, по мнению авторов статьи, в том, чтобы, избежав суммативизма, редукционизма и предвзятого истолкования тех философских учений, которые не совпадают с авторской позицией, обнаружить и описать фундаментальные смысловые лакуны, благодаря которым в философской культуре постоянно сохраняется необходимый идейно-творческий потенциал. В статье посредством анализа проблематики Ленинградской школы философии науки осуществляется попытка разыскания подобного рода лакуны в официальной советской философии. Обосновывая тезис о том, что противопоставление официальной и неофициальной линий развития русской мысли в советский период, ведущее к наделению приоритетным статусом одной из традиций и к отказу признавать значимость другой, является недопустимым и теоретически некорректным, авторы приходят к выводу, что в основании советской философской культуры лежат проблемы свободы, человека и творчества. Именно они инициируют появление во времена «оттепели» таких новых направлений, как марксистская антропология, культурология и философия науки. С этой точки зрения, Ленинградская школа философии науки представляет собой опыт реализации научно-философского потенциала советского марксизма.

Ключевые слова: философия науки, Ленинградская школа философии науки, история русской философии, советский марксизм.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде–Петербурге. Вторая половина XX века», реализуемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Советская философия — как определенный и *органичный* этап развития русской философии — до сих пор требует адекватного историко-философского осмысления. С одной стороны, существующие опыты историко-философской интерпретации идей и концепций, сформулированных отечественными мыслителями данного периода, не являются вполне удовлетворительными, поскольку в том или ином отношении базируются на идеализации или же редукции философской проблематики и результатах философского творчества. С другой стороны, появившиеся позже исследования, быть может, в силу активной вовлеченности их авторов в полемику, характерную для периода «смуты», а также по причине принципиального отторжения (хотя зачастую внешнего) предшествующей эпохи в целом, основное внимание уделяли рассмотрению взглядов «запрещенных» авторов, представляя дело так, будто именно они являются ключевыми фигурами в развитии русской философской культуры.

Действительно, официально признанные в СССР истории русской философии советского времени, хотя и написаны они были профессиональными исследователями или, чаще, коллективами исследователей, непременно содержали в себе элементы идеологии, что сейчас воспринимается как существенный недостаток, значительно снижающий качество работы. Сразу же следует заметить, что идеологизация в данном случае обуславливалась не только и не столько стремлением соответствовать «курсу партии», идеологическая программа которой намеренно отождествлялась с реальностью. Гораздо важнее была другая причина, в силу которой официальные советские версии истории отечественной философии XX в. становились идеологически ангажированными. Речь идет о том, что в условиях закрепившегося в академической среде понимания философии как «науки о всеобщих законах развития природы, общества и мышления», а марксистской философии — как «последовательно научного орудия социального прогресса» [1, с.726] любая попытка систематизации и анализа актуального содержания философской мысли принимала форму самопрезентации, что, в свою очередь, обуславливало соответствующий способ историко-философского исследования. А именно, оно строилось исходя из допущения правомерности использования системы метапонятий, отражающих скорее должное, чем сущее, причем должное, лишенное каких-либо метафизических атрибутов, утверждалось в качестве идеального сущего, принципиально достижимого в будущем. Таким образом, официально принятые трактовки истории советской философии представляли собой варианты самоописания и не могли поэтому не быть идеологизиро-

ванными; идеологизация вытекала из самой процедуры самоописания и, собственно, делала его возможным.

Конечно, философская культура СССР отнюдь не исчерпывалась марксизмом-ленинизмом, тем более в его официальной — сталинской — редакции. Наряду с титульной философией была и другая — не- и антиофициальная. Об этом много пишут в последнее время. Вот как, например, говорится у А. ДеБласио в предисловии к недавно вышедшей в США антологии современной русской философии: «Стало обычным делом сомневаться в компетентности философов советской эпохи из-за их приверженности дисциплинарным нормам марксизма-ленинизма — иными словами, утверждать, что в советский период не было философии, а была только идеология, и что не было философов, но были только идеологи. Это далеко не так, как уже показали бесчисленные ученые» [2, с. XVII]. Интересно заметить, что, характеризуя советскую философию, А. ДеБласио старается избежать упрощенческой трактовки, в том числе и официального марксизма. Она выделяет ряд черт, благодаря которым советский марксизм может оказаться востребованным и в настоящее время: прежде всего, это установка на поликультурность, которая выгодно отличает работы советских философов и позволяет рассматривать их в контексте актуальной проблематики.

Однако в современной исследовательской литературе все больше набирает силу определенная тенденция — представить неофициальную русскую философию в качестве приоритетной линии развития отечественной мысли. В связи с этим следует упомянуть двухтомный труд М. Н. Эпштейна, посвященный интеллектуальной истории России 1960–1980-х гг. Первый том, озаглавленный «Феникс философии. Русская мысль позднего советского периода (1953–1991)» [3], вышел в 2019 г., второй — «Идеи против идеократии. Немарксистская мысль позднего советского периода (1953–1991)» [4] — в 2021 г. Методологический прием, который использует М. Н. Эпштейн, основывается на противопоставлении двух понятий: «philosophy» и «filosofia».

Первое понятие обозначает строгую систему категорий, получивших статус высшего знания, обязательного для усвоения всеми советскими гражданами, и прежде всего теми, кто рассчитывал добиться успеха в той или иной области. Именно *philosophy* создала условия для возникновения идеократии и впоследствии поддерживала ее, закрепляя философские постулаты на всех уровнях советской идеологии. «В Советском государстве... — пишет М. Н. Эпштейн, — философия превратилась в высший правовой и политический институт, обретя силу надличностного универсального “Разума”. В СССР было типичным говорить о партии как о “коллективном разуме народа”, о Полит-

бюро как о “коллективном разуме партии”. В других государствах высшие ценности и высший авторитет соотносились с религиозными верованиями, экономической выгодой или династическими интересами, но в коммунистической России именно философия стала абсолютным критерием истины и основой всех социальных и экономических преобразований. Советский Союз был единственной великой державой в мировой истории, которой правили философские амбиции и предположения... Верность учению диалектического и исторического материализма была предпосылкой гражданской лояльности и профессионального успеха. Россия страдала не от недостатка, а от избытка философии» [3, с. 4].

В отличие от *philosophy*, то, что называет М. Н. Эпштейн *filosofia* и что можно перевести как «философствование», указывает на распространенный в различных слоях советского общества интерес к осмыслению широкого спектра проблем. Причем уровень осмысления был достаточно высоким, что свидетельствует, согласно М. Н. Эпштейну, о большом потенциале русской неофициальной философии. Кроме того, философствование в СССР всегда выполняло и другие функции, например способствовало либерализации общества и духовному росту личности. Отсюда вывод: в продолжительном противоборстве «идей» и «идеократии» победу одержали «идеи», а значит, именно они составляют содержание подлинной интеллектуальной истории России второй половины XX в.

При всех отличиях советских и постсоветских исследований истории русской философии XX в. можно указать и на некоторое, причем существенное, сходство. Оно заключается в том, что философская культура России дихотомически дробится, в результате чего представление о целом строится на основе анализа той или иной его части. Очевидно, что корректность отождествления целого и части не может не вызывать сомнений. Думается, что избежать указанного недостатка можно, отказавшись от привычного противопоставления двух традиций (одной из которых, в зависимости от позиции исследователя, придается приоритетная важность, и, следовательно, занижается или же вообще отрицается значение другой), чтобы получить возможность увидеть действительные основания русской философии советского периода. Сразу же следует заметить, что установка на целостность исследования не предполагает не критического принятия всех учений, созданных как представителями официальной марксистской философии, так и их оппонентами. Вообще суммативизм, как известно, создает лишь иллюзию полноты исследования, в то время как на самом деле он выступает одним из вариантов редукционизма, а зачастую и субъективизма. Задача

заключается не в том, чтобы все учесть (ибо это практически невозможно), а в том, чтобы в предложенной интерпретации той или иной традиции оставлять своего рода смысловую лауну, предполагающую постепенное заполнение в процессе творческого прочтения философских учений. Это означает, что никакая интерпретация, скажем, советского марксизма не является полной, исчерпывающей, так как в противном случае мы имели бы дело не с пониманием, а с искажением. Каждое учение (а тем более традиция) глубже различных его истолкований, и именно глубина должна стать предметом историко-философского интереса. Образ философии-монстра, тотально подавляющей советского человека, — это все-таки образ, не более. За тоталитаризмом философской истины непременно должны быть обнаружены иные реалии и сюжеты.

Официальная советская философия — факт, который уже состоялся в истории мысли. Но проблема его осмысления имеет не фактический, а теоретический характер. Что же такое была советская философия и почему она стала возможной? Это вопрос, раскрывающий горизонты современной мысли. Без ответа на этот вопрос, как кажется, нельзя понять настоящее и тем более угадать будущее.

Основания советского марксизма четче всего обнаружилось во времена хрущевской «оттепели». С одной стороны, разоблачение культа личности И. Сталина, а с другой — публикации (впервые в СССР) философских работ раннего К. Маркса создали благоприятные условия для критической саморефлексии официальной философии. В результате этой саморефлексии стала активно обсуждаться проблема неполноты предметности философского знания, троично представленного в рубриках «диамата», «истмата» и «научного коммунизма». В известном смысле стимулом к пересмотру сложившейся системы философских взглядов послужила работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), в которой, размышляя о внеклассовости языка, он поставил под сомнение основные постулаты исторического материализма.

Модернизация советского марксизма началась с продумывания тех вопросов, которые не получили в трудах классиков должного освещения (например, вопрос о культуре, тезис о научности философии, проблема человека и т. д.). Новые идеи и концепции разрабатывались таким образом, чтобы они могли вписываться в рамки общепризнанного философского дискурса, следовательно, не отрицали основоположения марксизма, но, наоборот, опирались на них и выступали результатом их творческого развития. Возникавшие при этом «эффекты ретроспективы» [5, с. 73–83] интерпретировались как незадействованный потенциал марксистской мысли, а его актуализация и сопутствующие ей «риски

самообмана» [6, с. 87] приводили к построению оригинальных теорий и даже новых предметных областей философского знания. Так, выделение культуры в качестве специфической сферы философского интереса наряду с критикой «социологического актуализма» и упрощенчества обусловили появление культурологии. «Именно к этому периоду, — пишет М. В. Межуев, — относится начало формирования отечественной культурологии (равно как и социологии), привлековой к себе внимание большого числа исследователей из разных областей знания» [7, с. 277]. Дискредитация «чистого» познания и акцент на важности субъективного фактора послужили основанием для создания марксистской антропологии. Наконец, продумывание и обоснование декларированного в официальном марксизме требования научности философии инициировали интерес к науке, что привело к возникновению философии науки. И в культуре, и в антропологии, и в философии науки, по сути, проговаривались важнейшие для советского марксизма темы: это были темы свободы и творчества.

Конечно, «оттепель» в отечественной философии была недолговременной и весьма условной. Несмотря на то, что авторитет «главнейшего марксиста XX века» пошатнулся, созданная им система идеологических координат оставалась в силе и еще долго задавала параметры как академической философии, так и жизни в целом. В этих условиях философское творчество было возможным лишь в замаскированном виде, т. е. выступало в форме познания «законов» или же «наиболее общих характеристик» объективной реальности. Максимальная свобода творчества допускалась лишь в тех областях, которые были наименее связаны с идеологией и поэтому не могли казаться для нее опасными. Именно такой предметной областью и оказалась наука. Вот как пишет об этом В. П. Бранский: «Так как в советское время все исследования в области философских дисциплин находились под строгим и неусыпным идеологическим контролем со стороны партийных органов, свобода научно-исследовательской деятельности могла быть обеспечена только там, где эта деятельность была очень далека от социальных проблем. Именно такой областью оказалась философия современного *точного* естествознания, ядром которой была *философия физики*... Таким образом, философия физики стала тем уникальным бастионом свободы, находясь в котором, можно было разрабатывать практически любые идеи, не оглядываясь на партийные органы. Ничего подобного не существовало в других сферах содержательного философского знания» [8, с. 47].

Показательным явлением советской философии 1960-х годов стал феномен Ленинградской школы философии науки. Скорее всего, эта школа возникла в Ленинграде не случайно: в культурную столицу Со-

ветского Союза, противостоящую официальной Москве, стекались лучшие интеллектуалы своего времени, а также действительно талантливые мыслители и харизматические личности. Наука, как предмет философского интереса, открывала путь к действительно свободному философскому творчеству, размышления о науке позволяли проводить самые смелые философские эксперименты, а также подвергать критике самые «правильные» убеждения.

В современной историко-философской литературе, как правило, говорят о Ленинградской школе как о школе онтологической, а не школе философии науки, и на этом основании противопоставляют ее Московской гносеологической школе [9]. Данное различие возникло в 1990-е годы, когда предпринимались первые попытки историко-философского осмысления наиболее значимых достижений советской философской мысли. Именно тогда для характеристики специфики Ленинградской и Московской философских школ был выбран критерий, указывающий на соответствующую трактовку материи: если московские философы отличались более строгим следованием официально принятому (ленинскому, или «гносеологическому») определению материи, то ленинградские философы настаивали на необходимости добавить в это определение ряд «онтологических» характеристик. Таким образом, и Ленинградская, и Московская школы были поняты как разновидности советского диалектического материализма, причем различия между ними могли показаться несущественными.

Между тем отнюдь не стремление онтологизировать гносеологическое понимание материи объединяло вокруг себя ленинградских философов, и значение их идей выходит далеко за рамки диалектического материализма. Дело в том, что в пылу полемики с московскими диалектиками ленинградские философы, осознанно или нет, опирались не только на труды классиков марксизма, но и учитывали достижения мировой, прежде всего европейской, философской мысли. В результате были затронуты и затем получили преимущественную разработку вопросы, относящиеся к проблематике актуальной философии того времени, а таковой являлась во второй половине XX в. философия науки. Исходя из этого, направление, возникшее на базе философского факультета ЛГУ, правильнее было бы называть Ленинградской школой философии науки.

Отметим, что это была вполне оригинальная школа, так как, во-первых, формальная привязка к марксизму требовала критического разбора европейских научно-философских концепций с целью их «коррекции», что исключало эпигонство; во-вторых, ленинградские философы не ограничивались исключительно теоретическим решени-

ем проблем, но пытались, опять же, следуя Марксу, соединять теорию с практикой. Самостоятельность и новаторство работ философов Ленинградской школы В. П. Бранский, например, видел в том, что «проблемы методологии науки тесно связывались с общефилософскими проблемами... Весьма любопытно и то обстоятельство, что в области так называемой положительной философии науки, разрабатывавшейся в ЛГУ, в центре внимания находилась не проблема демаркации научного и ненаучного знания (как это было в неопозитивистской и постпозитивистской философии науки), а проблема эвристической роли философских принципов в формировании новой фундаментальной научной теории» [8, с. 48].

Преимственность во взглядах ленинградских философов науки обуславливалась наличием общих исходных принципов, или установок, мышления. Первым таким принципом нужно назвать признание парадигмы «неклассической» науки. Помимо всего прочего, эта парадигма предполагает использование концептуальных моделей в процессе познания, причем моделирование объекта понимается как необходимое условие и элемент самого познания, а не просто как эвристическое, или вспомогательное, средство, выполняющее определенную функцию на этапе умозрительного исследования. В результате существенно меняется понимание научного познания: оно становится принципиально гипотетическим. Это означает, что объект уже не считается чем-то данным, статичным и уже не наделяется объективными, т. е. независимыми от исследователя атрибутами, а предстает в виде сложной динамичной системы отношений как к другим объектам, так и к субъекту — исследователю. При этом сам субъект познания также становится «подвижным» и «условным»: это уже не метафизически фундированная позиция константного наблюдателя, который наделен априорной сущностью или универсальными способностями разумного мышления, а включенный в процесс познания один из его моментов. Собственно «содержание» субъективности оказывается производным от акта познания, причем настолько, насколько процесс познания обуславливается субъективным моделированием. Следовательно, никакая научная теория не может претендовать на статус теории абсолютно истинной: всякое познавательное высказывание будет истинным лишь в относительном смысле. Признавая парадигму неклассической науки, ленинградские философы придерживались соответствующих способов описания объектов и объяснения их содержания, а именно таких, которые предполагают предварительную фиксацию специфики и содержательное определение вводимых научных понятий — средств и процедур исследовательской деятельности.

Вторым основополагающим принципом Ленинградской школы философии науки является обращение к марксизму с целью его дальнейшего теоретического развития и доказательства того, что именно марксизм является актуальной философией, т.е. такой, которая наиболее близка к неклассической науке. Открытие раннего Маркса побуждало к творческому прочтению классиков марксизма-ленинизма, и в результате официальный, сталинизированный марксизм, провозглашенный «единственно верной научной философией», стал критиковаться за присущие ему догматизм и антинаучность. В работах ленинградских философов Маркс предстает ищущим, экспериментирующим и сомневающимся мыслителем, для которого намного важнее правильно поставить вопрос и обозначить тем самым перспективу дальнейшего поиска, чем найти на этот вопрос окончательный ответ. Наибольшее внимание уделялось обсуждению как минимум двух положений марксистской философии: тезиса об активности субъекта в процессе познания и учения о практике как критерии истины.

Важность субъективного фактора, показанная Марксом, выступала авторитетным подспорьем для критики объективизма и вульгарно понятой научности философии. Согласно общему мнению ленинградских философов науки, никакая философия, в том числе и декларативно «научная», не в состоянии претендовать на построение адекватной, т.е. единственно верной, картины мира, поскольку объективная реальность не только дана субъекту, но и задана им. Кроме того, справедливое требование, чтобы философы-материалисты в своей познавательной деятельности опирались на важнейшие достижения современного естествознания, а также науки в целом, стало пониматься в том смысле, что подлинная философия, подобно науке, должна постоянно развиваться: по мере изменения представлений науки о мире должны меняться и философские категории, предназначенные для описания мира как целого и познания «наиболее общих его законов». Далее, будучи подобной науке в отношении принципиальной незавершенности и открытости системы знания, философия имеет и свою специфику [10], а значит, не должна просто дублировать научное знание или же представлять собой систематизацию и обобщение результатов, добытых наукой. Особенность философского познания в том, что оно включает в себя элемент творчества, а оно, в свою очередь, предполагает свободу человека. По большому счету, философия науки — вовсе не наука, предметность которой всецело исчерпывается детерминированным миром, а свободное творчество. Данный вывод подкреплялся ссылкой на Маркса, 11-й тезис о Фейербахе которого гласил: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Марксистское учение о практике также использовалось для обоснования динамической модели объекта познания. В частности, утверждалось, что объект в его противопоставленности субъекту — это не статически фиксируемая в форме созерцания данность, а процессуальность, или практика: «Практика является движущей силой философского познания, влияет на приоритеты философских исследований, служит критерием обоснования философских положений» [11, с. 39]. Будучи критерием истины — вполне окончательным и определенным, но не абсолютным, практика, поскольку она также истолковывалась как момент процесса познания и, соответственно, входила в определение объекта, обуславливала достоверность утверждений и в то же время предотвращала их догматизацию.

Третьим основополагающим принципом Ленинградской школы философии науки можно назвать установку на междисциплинарность. С одной стороны, предмет философской рефлексии становились научные открытия, теории и гипотезы, — и это понятно, поскольку быть в курсе современного состояния науки, следить за ее развитием необходимо, чтобы соответствовать статусу философа науки. Однако, с другой стороны, ленинградские философы, выдвигая ту или иную идею или концепцию, рассчитывали на то, что их теории будут востребованы не только среди специалистов по философии науки, но и среди широкой научной общественности, в том числе гуманитарной. Философия науки, таким образом, превращалась в междисциплинарную сферу знания. Парадоксально, но научно-философские концепции — и чем дальше, тем больше — затрагивали вопросы, выходящие за пределы науки и даже научного мировоззрения: например, рассматривались проблемы эстетические, этические, социально-политические, аксиологические, акмеологические и т. д. При этом ни о какой редукции говорить не приходится. Напротив, работы, представлявшие опыт научно-философской рефлексии, всегда пользовались авторитетом и широким спросом.

Наиболее видными представителями Ленинградской школы философии науки были В. И. Свидерский, В. А. Штофф, В. П. Тугаринов, В. П. Рожин, А. С. Мамзин, Л. О. Резников, Г. А. Подкорытов, В. П. Бранский, А. С. Кармин, В. П. Петленко, Б. В. Ахлибининский, А. М. Мостепаненко, М. С. Козлова, В. А. Асеев, Д. А. Гущин, А. К. Астафьев, Л. М. Гутнер и др. Их идеи сохраняют свою научную и философскую значимость и в наше время [12].

Литература

1. *Философский энциклопедический словарь* (1983), М.: Советская энциклопедия.

2. DeBlasio, A. (2020), Foreword: Russian Philosophy as Anthology, *Russian Philosophy in the Twenty-First Century*, An Anthology, ed. by Sergeev, M., Chumakov, A., Theis, M., Leiden, Boston: Brill, Rodopi.
3. Epstein, M. (2019), *The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period* (1953–1991), New York; London: Bloomsbury Academic.
4. Epstein, M. (2021), *Ideas Against Ideocracy, Non-Marxist Thought of the Late Soviet Period* (1953–1991), New York; London: Bloomsbury Academic.
5. Петров, М. К. (2004), *Язык. Знак. Культура*, М.: Едиториал УРСС.
6. Пружинин, Б. И., Щедрина, И. О. (2019), Историзация философско-методологического сознания науки и нарратология, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 35, вып. 1, с. 83–91.
7. Межуев, В. М. (2006), *Идея культуры*, М.: Прогресс-Традиция.
8. Бранский, В. П. (2002), *Ленинградская школа философии науки*, *Философия о предмете и субъекте научного познания*, под ред. Караваева, Э. Ф., Разеева, Д. Н., СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, с. 47–60.
9. Вяккерев, Ф. Ф. (1997), Идеи и концепции Ленинградской онтологической школы, *Вече: Альманах русской философии*, СПб., вып. 9, с. 190–200.
10. Караваев, Э. Ф. (2018), Логика и генезис научной теории в свете концепции «умозрительного уровня познания» В. П. Бранского, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 34, вып. 3, с. 348–355.
11. Караваев, Э. Ф. (2015), Философия и наука, *Вестник СПбГУ. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*, вып. 4, с. 33–40.
12. Осипов, И. Д., Погодин, С. Н. (2020), Философия науки в современном мире, в: *Философия науки: история и современность*: монография, под ред. Осипова, И. Д., Погодина, С. Н., СПб.: Политех-Пресс, с. 3–6.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 20 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Осипов Игорь Дмитриевич — д-р филос. наук, проф.; idosipov@mail.ru
Рыбас Александр Евгеньевич — канд. филос. наук, доц.; a.rybas@spbu.ru

Scientific and philosophical potential of Soviet Marxism*

I. D. Osipov, A. E. Rybas

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Osipov I. D., Rybas A. E. Scientific and philosophical potential of Soviet Marxism. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 348–360.
<https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.122> (In Russian)

* This research was supported by the RFFR, project no. 20-011-00144 “The theoretical heritage of philosophy in Leningrad — Petersburg. Second half of the twentieth century”, provided at the St Petersburg State University.

The article examines the difficulties of a methodological and ideological nature that arise in the study of the history of Soviet philosophy. The idea is that both official Marxism, adopted in the USSR as an academic philosophy and enshrined at the level of Soviet ideology, and various currents of non-Marxist philosophy that existed in the Soviet Union in the second half of the twentieth century, are equally valuable for understanding the integral philosophical culture of this period. The task of the researcher, who has set himself the goal of an adequate and comprehensive study of the history of Soviet philosophy, is, according to the authors of the article, to find and describe the fundamental semantic gaps, thanks to which the necessary theoretical and creative potential is constantly preserved in the philosophical culture. In the article, by analyzing the problems of the Leningrad school of philosophy of science, an attempt is made to find such a gap in the official Soviet philosophy. Justifying the thesis that the opposition of the official and unofficial lines of the development of Russian thought in the Soviet period, leading to the prioritization of one of the traditions and the refusal to recognize the significance of the other, is unacceptable and theoretically incorrect, the authors come to the conclusion that at the basis of Soviet philosophical culture lie the problems of freedom, man and creativity. During the “thaw”, these problems initiated the development of such new disciplines as Marxist anthropology, culturology and philosophy of science. From this point of view, the Leningrad School of Philosophy of Science resulted from the scientific and philosophical potential of Soviet Marxism.

Keywords: philosophy of science, Leningrad school of philosophy of science, history of Russian philosophy, Soviet Marxism.

References

1. *Philosophical Encyclopedic Dictionary* (1983), Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia Publ. (In Russian)
2. DeBlasio, A. (2020), Foreword: Russian Philosophy as Anthology, in Sergeev, M., Chumakov, A., Theis, M. (eds.), *Russian Philosophy in the Twenty-First Century. An Anthology*, Leiden, Boston: Brill, Rodopi.
3. Epstein, M. (2019), *The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)*, New York, London: Bloomsbury Academic.
4. Epstein, M. (2021), *Ideas Against Ideocracy. Non-Marxist Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)*, New York, London: Bloomsbury Academic.
5. Petrov, M. K. (2004), *Language. Sign. Culture*, Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian)
6. Pruzhinin, B.I., Shchedrina, I.O. (2019), Historicization of the Philosophical and Methodological Understanding of Science and Narratology, *Vestnik of St Petersburg University, Philosophy and Conflict Studies*, vol. 35, no. 1, pp.83–91. (In Russian)
7. Mezhuiev, V.M. (2006), *The idea of culture*, Moscow: Progress — Tradition Publ. (In Russian)
8. Bransky, V.P. (2002), Leningrad School of Philosophy of Science, in: Karavaev, E. F, Razeev, D.N. (eds), *Philosophy About the Subject and Subject of Scientific Knowledge*, St Petersburg: St Petersburg Philosophical Society, pp.47–60. (In Russian)
9. Vyakkerev, F.F. (1997), Ideas and Concepts of the Leningrad Ontological School, *Veche: Almanac of Russian Philosophy*, St Petersburg, no. 9, pp.190–200. (In Russian)
10. Karavaev, E.F. (2018), Logic and Genesis of Scientific Theory in the Light of the Concept of ‘Speculative Level of Knowledge’ by Bransky, V.P., *Vestnik of St Petersburg University, Philosophy and Conflict Studies*, vol. 34, no. 3, pp.348–355. (In Russian)

11. Karavaev, E. F. (2015), Philosophy and Science, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, no. 4, pp. 33–40. (In Russian)

12. Osipov, I. D., Pogodin, S. N. (2020), Philosophy of Science in the Modern World, in: Osipov, I. D., Pogodin, S. N. (eds), *Philosophy of Science: History and Modernity*: monograph, St Petersburg: Politekh-Press, pp. 3–6. (In Russian)

Received: September 6, 2021

Accepted: September 20, 2021

Authors' information:

Igor D. Osipov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; idosipov@mail.ru

Aleksandr E. Rybas — PhD in Philosophy, Associate Professor; a.rybas@spbu.ru